

Сверху вниз, слева направо: Донская армия в 1919 г.; повешение большевиков солдатами Чехословацкого корпуса; красная пехота на марше в 1920 г.; Л.Д. Троцкий в 1918 г.; тачанка 1-й Конной армии

Прогресс против традиции.

Краткий курс истории России XX в. для высшего управленческого персонала

Рыбас Святослав Юрьевич — писатель, историк.

*Продолжение.
Начало см. в № 1/2009*

Конец НЭПа

Под влиянием борьбы с Троцким сталинская группа стала явно подавлять частный сектор экономики, несмотря на то что благодаря ему держалось рыночное равновесие. Похоже, в Кремле не хотели понимать, что цены, складывающиеся в зависимости от баланса спроса и предложения, в случае неблагоприятной политической конъюнктуры начнут демонстрировать неожиданные фокусы.

21 января 1924 г. умер В.И. Ленин. С его уходом уменьшилась роль и возможности Л.Д. Троцкого и начиналась кадровая перегруппировка во всех государственных сферах. Председателем Совнаркома был назначен А.И. Рыков, бывший до этого председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Одновременно реорганизовали Совет труда и обороны (СТО), под его контроль перешли все экономические наркоматы. СТО возглавил Л.Б. Каменев. Председателем ВСНХ назначили Ф.Э. Дзержинского с сохранением за ним поста председателя Объединенного политического управления (ОПУ). Эти перестановки принизили положение руководителя правительства и одновременно усилили роль правоохранительных органов в экономике. Член «тройки» Каменев, получив в ведение экономический блок, не был конкурентом И.В. Сталину, т.к. не обладал в должной мере политической волей и организационными способностями. Таким образом, баланс сил в «тройке» незаметно изменился, предвещая в недалеком будущем новый период взаимной борьбы.

А пока вслед за переименованием Петрограда в Ленинград был объявлен массовый прием в партию «рабочих от станка», получивший название «ленинского призыва». К началу 1924 г. в партии состояло около 300 тыс. человек. Новый

набор увеличил ее на 240 тыс., что привело к качественному изменению ее состава. Если Ленин видел в партии элитарный культурный отряд, то переход к массовой партии резко изменял ее характер. Партия была правящей и постоянно вбирала в себя все новых людей, все больше погружаясь в массовый (невысокий) культурный слой.

На пленуме после съезда Сталин, несмотря на оглашение письма Ленина, был единогласно избран Генеральным секретарем (а также в состав Политбюро и Оргбюро). Он победил.

Членами Политбюро были избраны Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков, М.П. Томский, Н.И. Бухарин, кандидатами В.М. Молотов, М.И. Калинин, Ф.Э. Дзержинский, М.В. Фрунзе.

Почему же Троцкий снова вошел в состав руководства, несмотря на его явную враждебность большинству членов ЦК и партийному аппарату? Еще действовала инерция ленинского периода, и далеко не все сторонники Троцкого были повержены. К этому надо добавить, что Зиновьев с Каменевым на съезде потребовали исключения Троцкого, но Сталин их не поддержал. Такое расхождение во взглядах объяснялось нежеланием Сталина лишиться противовеса амбициозному Зиновьеву. Более того, его поведение на съезде создавало ясное представление, что этот человек не претендует на роль наследника Ленина. В ответ на ленинское письмо он даже подавал в отставку с поста Генерального секретаря и не скрывал, что искренне переживает критику вождя. Высший пост в партии он сохранил, Зиновьев и Каменев не увидели в нем угрозы.

Легко представить: Зиновьев и Каменев, люди образованные и бывшие долгое время в эмиграции рядом с Лениным, сравнива-

ли свой авторитет и интеллектуальный уровень с авторитетом и уровнем Сталина и считали, что этот упорный грузин создан только для того, чтобы готовить их победу и оставаться трюмным механиком, не имеющим никаких шансов подняться на капитанский мостик.

Пока на рынке поддерживался баланс, можно было надеяться и на политическую устойчивость. Первым подтолкнул эту подвижную конструкцию Троцкий, но т.к. все коммунисты считали социализм и рынок несовместимыми, его предложения усилить налоговый пресс на деревню не открыло Америки и не имело последствий. «Рыночный дьявол» (как выразился Троцкий на XII съезде партии) не возмущался.

Партия была правящей и постоянно вбирала в себя все новых людей, все больше погружаясь в массовый (невысокий) культурный слой.

Зато, пусть и окончившееся поражением, политическое наступление «левых» возбудило общественное мнение против частного сектора. Последовавшие антинаповские действия Сталина и Дзержинского фактически были порождены атакой Троцкого. Здесь то и дрогнула социалистическо-капиталистическая конструкция.

В апреле 1925 г. на XIV партийной конференции была поддержана идея Сталина о возможности построения социализма в одной стране. Сталин, в частности, сказал, что можно быстро шагнуть от восстановления довоенной промышленности к индустриализации. Это означало ускоренное движение к третьему технологическому укладу, основанному на использовании электричества и металлургии. (В это время на Западе уже формировалась база четвертого уклада: автомобилестроение, тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного

пользования, синтетические материалы, неорганическая химия и т.д.)

Лето принесло прекрасный урожай, лучший с 1917 г. И повторилась ситуация прошлого года: крестьяне не продавали зерно по фиксированным ценам. Они не видели смысла в получении наличных денег, несмотря на твердый курс рубля, т.к. на рынке было мало промышленных товаров.

Весной 1926 г. стала формироваться жесткая оппозиция проводимому курсу. В нее вошли представители «старой ленинской гвардии» — Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Л. Пятаков, Н.К. Крупская, Г.Я. Сокольников, А.Г. Шляпников, Н.И. Муралов и др.

Они объявили себя подлинными наследниками ленинизма, борцами за идеалы революции и против бюрократизма. Бухаринские идеи отвергались. Предлагалось проведение «сверхиндустриализации», т.е. ускоренное развитие тяжелой промышленности в целях дальнейшего осуществления мировой революции.

Таким образом, раскол был очевиден. С одной стороны — «левые», с другой — «правые», среди которых председатель СНК Рыков, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Калинин, председатель ОГПУ и ВСНХ Дзержинский, руководитель советских профсоюзов Томский.

В условиях недостаточных инвестиций «левые» хотели выжать из деревни максимум возможного, что в огрубленном виде напоминало практику времен витевской модернизации. Иных ориентиров не было. Либо С.Ю. Витте, либо П.А. Столыпин.

И.В. Сталин и его соратники (В.М. Молотов, В.В. Куйбышев, С.М. Киров, Г.К. Орджоникидзе, К.Е. Ворошилов и др.) придерживались средней линии, стараясь воздерживаться от крайних решений. Однако логикой курса на индустриализацию вектор политических решений неизбежно должен был смещаться в сторону «левых» предложений — по причине нехватки денег, усиления внешних угроз, стремления быстрее пройти труднейший период реформирования. Поэтому неотвратимо приближалась схватка сталинского центра и троцкистско-зиновьевского левого фланга за право возглавить модернизацию и окончательно определить стратегические цели — внутреннее развитие или мировая революция. Таков был драматический сценарий предстоящего периода. Борьба предстояла безжалостная.

Если Ленин видел в партии элитарный культурный отряд, то переход к массовой партии резко изменял ее характер.

На июньском пленуме ЦК ВКП(б) (1926 г.) из состава Политбюро был выведен Зиновьев, в октябре того же года — Троцкий и Каменев, а Зиновьев смещен с поста председателя Коминтерна. Возглавил Коминтерн Бухарин.

На XV партконференции (октябрь — ноябрь 1926 г.) единогласно были приняты тезисы «О возможности построения социализма в отдельно взятой стране». Флаг мировой революции убрали в запасники. Вместо него был поднят новый: в кратчайший исторический срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Никто не задавался вопросом: «За счет каких ресурсов произойдет ускоренное развитие?» Официально НЭП не отменялся. Но в политическом плане он уже сформировал силу, оппозиционную центральной власти.

В 1926 г. проявился «товарный голод». Спрос на металл, цемент, лес, уголь и другие товары, а также доходы рабочих и крестьян опережали рост производства товаров и услуг. Поэтому стали расти цены и дефицит, а с ними — критические настроения населения.

И здесь советское руководство попыталось переломить ситуацию нерыночным давлением: в июле 1926 г. Совет труда и обороны издал Указ «О снижении цен» на дефицитные товары, отразив в этом решении раздражение населения на «нэпманов». Естественно, эта мера не уменьшила дефицита, а еще больше вымыла товары с рынка. Тогда последовало повышение налогов на кулаков, т.е. производителей сельскохозяйственной продукции, и новый удар по экономическому равновесию — снижение закупочных цен на зерно. После этого кре-

стьяне вообще перестали продавать зерно. Неожиданно для Кремля наступил жестокий кризис заготовок, что в конце концов привело к политическому кризису и смене курса.

Идея Бухарина — строить социализм «черепашьими темпами», «сидя на крестьянской лошадке» — теперь становилась непродуктивной, поддерживающей эгоистическое (а каким оно должно быть?) поведение крестьян.

Ситуация обострилась еще и тем, что в руководстве партии началась идейная сумятица. Зиновьев, в частности, доказывал, что идея построения социализма в одной стране ошибочна с точки зрения ленинизма. Зиновьева поддержали Каменев, вдова Ленина Крупская и нарком финансов Сокольников, также критиковавшие бюрократизм в партаппарате и уси-

ливавшую роль Сталина. На XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) эта «новая оппозиция» потерпела поражение. Съезд определил, что в партии есть два уклона — «правый» (недооценка кулацкой опасности и роли середняка как главной фигуры в сельхозпроизводстве) и «левый» («новая оппозиция», разжигающая, как сказал Сталин, гражданскую войну в деревне). Был принят курс на «социалистическую индустриализацию», построение плановой экономики. Зиновьев вскоре был смещен с поста руководителя ленинградской партийной организации. Его сменил сторонник Сталина Киров.

А тем временем НЭП продолжал демонстрировать неожиданности. По итогам весенних выборов 1925 г. в местные Советы при возросшей активности избирателей число избранных в эти органы власти бедняков и коммунистов резко сократилось. Это означало, что власть на селе принадлежит экономически независимому слою. И не удивительно, что сельские коммунисты стали смыкаться с кулаками на почве бытовых контактов.

Понимали ли Сталин и Бухарин, что их линия «Лицом к деревне!» оборачивается ползучей контрреволюцией? Наверное, еще не понимали. Наоборот, ими внедрялась идея превратить сельскую волость в самостоятельную финансовую административную единицу с исключением местных бюджетов из государственного бюджета, что должно было развить местное самоуправление. Было решено передать в волостные бюджеты часть сельхозналога, ввести некоторые собственные налоги (не с населения), передать в ведение волостям предприятия и имущество (мельницы, кузницы и т.д.). Однако эта политика провалилась из-за крайне низкого уровня жизни деревни. С населения нечего было собрать. На уровне сельсовета велась не денежная экономика, а полунатуральное хозяйство.

Руководство страны вплотную приблизилось к пониманию неразрешимости проблемы ускоренного экономического роста. Столкновение двух взаимоисключающих принципов развития было неизбежным. Главный движитель экономического развития человеческого общества — спрос, удовлетворение экономических интересов человека — постоянно ограничивался государством. В отдаленной перспективе НЭП, несмотря на контроль партии, неизбежно должен был привести к возврату на капиталистический путь. (Как это произошло в современном Китае, где политическая система — коммунистическая, а содержание — полностью капиталистическое.)

Однако, не считая борьбы в Кремле, страна еще жила спокойной жизнью. Такой объективный показатель, как общее число заключенных, свидетельствует, что чрезвычайных событий не происходило. На 1 января 1925 г. заключенных было 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. — 149 тыс. (Для императорской России это были бы ничтожные цифры. В 1905 г. в тюрьмах находилось 719 тыс. человек, в 1906 г. — 980 тыс.) В СССР в середине 1920-х гг. освобождались досрочно примерно 70% «сидельцев». Что же касается политических, то их в это время было около 1500, из них 500 находились в тюрьмах и лагерях, а 1000 были лишены права проживать в обеих столицах.

Тектонические толчки, вскоре перевернувшие страну, начались в 1926 г. с изменением налогообложения. Резко увеличивались налоги на зажиточные крестьянские хозяйства. Была опубликована новая инструкция по выборам в Советы: кулакам ограничивали избирательные права. Кто были кулаки, эти «монстры» и «хищники» советской деревни? Как правило, многодетные главы семейств, где в хозяйстве было в среднем две лошади, четыре ко-

ровы, десятка полтора овец, плуг, молотилка. Это были фантастические труженики с очень скромным уровнем достатка. Особенно они ценили свою духовную и экономическую свободу, что делало каждое хозяйство маленькой крепостью.

XV съезд партии (декабрь 1927 г.) подвел черту под восстановительным периодом. С него началась плановая советская экономика, были приняты директивы пятилетнего плана развития народного хозяйства. В отчетном докладе на XV съезде Сталин нарисовал картину будущего, которое ожидало СССР. Он сказал, что угроза войны по-прежнему остается и поэтому надо всячески сохранять мирные отношения с капиталистическими странами. В области внутренней жизни выделил главные достижения: по сравнению с довоенным уровнем промышленность достигла 100,9%, аграрная продукция — 108,3%. Годовой прирост национального дохода составил 11,4%, что являлось самым высоким показателем в мире.

Сталин буквально пропел гимн преимуществам государственной экономики и поставил задачу закрепить достигнутые темпы и увеличить их, чтобы догнать и перегнать Запад. Он назвал великие стройки того времени: Волховстрой, Днепрострой, Свирьстрой, Туркестанскую железную дорогу, Волго-Донской канал, ряд заводо-гигантов.

В отношении деревни Сталин поставил задачу: постепенное объединение индивидуальных хозяйств и их индустриализация. В заключительном слове он объявил о содержании нового периода революции: период восстановления закончился, начиналось строительство социализма.

XV съезд вошел в историю как «съезд коллективизации». Его можно было назвать и «концом НЭПа», но тогда завершение данного периода еще не просматривалось. Это означало, что не планируется резкого силового давления на деревню. Однако ближайшие события показали зыбкость радужных планов и потребовали новых решений.

Военная тревога 1927 г.

К 1927 г. в экономике страны накопилось столько противоречий, что кризис был неизбежен. Если в Кремле еще не до конца поняли, что «крестьянские лошадки» не способны вытащить тяжесть модернизации, то угрозу нападения извне увидели очень быстро. Другими словами, после того как затупился меч мировой революции, «враждебное окружение» могло перейти в наступление.

Первая угроза пришла с востока. Москва, начиная с 1922 г., поддерживала национальную революцию в Китае и содействовала созданию антиимпериалистического фронта в составе буржуазной партии Гоминьдан и гораздо

более слабой и малочисленной Компартии Китая. В картине мира сталинской группы значился постепенный захват коммунистами важнейших военных постов в Гоминьдане, но гоминдановский руководитель Чан Кайши в марте 1926 г. изгнал коммунистов из руководства Национально-революционной армии и потребовал отозвать советских военных советников. Одновременно с утратой позиций в Китае советская разведка добыла и опубликовала секретный меморандум премьер-министра Японии генерала Гийти Танаки. Суть документа: Япония должна «завоевать Европу и Азию, и в первую очередь — Китай и СССР». Таким образом, обозначилась «восточная угроза».

На западе тоже было тревожно. Активная политика СССР на востоке сильно задевала интересы Англии, которая увидела в этом продолжение традиционной политики Российской империи. 12 мая 1927 г. в Лондоне полиция провела обыск в помещении англо-советского акционерного общества «Аркос». 27 мая правительство Великобритании разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. 7 июня в Варшаве юношей-белоэмигрантом Б.С. Ковердой был застрелен советский полпред П.Л. Войков, один из организаторов расстрела Николая II и его семьи. 15 июня в Женеве на неафишируемой встрече глав МИД

Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, Японии обсуждался план антисоветских мероприятий, которые предложил английский министр Невилл Чемберлен. И только Германия не стала ввязываться в эту кампанию. К тому же в британо-советском противостоянии присутствовал и нефтяной фактор. Владелец компании Royal Dutch Shell Генри Детердинг, женатый на русской эмигрантке Л.П. Павловой и убежденный противник коммунистов, изо всех сил препятствовал налаживанию сотрудничества других западных компаний с советской нефтяной отраслью. Однако из этого ничего не вышло. Две компании, Standard Oil of New York и Vacuum, наследницы рокфеллеровской Standard Oil, заключили контракты на закупку больших объемов бакинско-го керосина для Индии и других азиатских рынков. Первая из них построила нефтеперегонный завод в Батуми и взяла его в аренду.

Детердинг ответил ценовой войной в Индии и «других уголках», чтобы снизить экономический эффект от продажи конкурентами более дешевых «коммунистических» нефтепродуктов. Он же финансировал акции против СССР, в том числе планы военной интервенции.

Параллельно с военной угрозой начался белогвардейский террор: вечером 7 июня 1927 г. группа

боевиков белогвардейской организации Российский общевоинский союз (РОВС), перешедшая финляндскую границу, бросила бомбу во время заседания партклуба в Ленинграде (было ранено 30 человек). Ранее, 7 марта, в Териоках, на явочной квартире финской разведки, состоялось совещание офицеров РОВСа, на котором руководитель этого союза генерал А.П. Кутепов заявил о необходимости «немедленно приступить к террору». Планировалось убийство Сталина, взрыв военных заводов, убийство руководителей ОГПУ, одновременное убийство всех командующих военными округами.

Советская разведка предполагала, что Англия начнет морскую блокаду СССР и подтолкнет Польшу к войне, к которой присоединятся Румыния и Финляндия.

Что СССР мог противопоставить этой угрозе? В руководстве РККА срочно прошли кадровые перестановки, на первое место снова выдвигались профессионалы, а не «красные командиры». В конце июня части РККА заняли боевые позиции на западной границе, сооружались новые аэродромы, увеличилась интенсивность работы военных заводов. Начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский приказал советскому военному атташе в Берлине подготовить к отвлекающему удару из Германии на Польшу отряды «красных вооруженных сил». Тухачевский выступал за «превентивный удар по Польше».

В июле 1927 г. Сталин опубликовал в «Правде» статью «Заметки на современные темы», в которой прямо говорил об угрозе новой войны. Причины войны — «борьба за рынки сбыта, за рынки вывоза капитала, за морские и сухопутные дороги к этим рынкам, за новый передел мира».

В августе 1927 г. в связи с нарастающей военной угрозой призывали в армию миллион резерви-

Бойцы РККА

стов. Это мгновенно отразилось на состоянии продовольственного рынка: цены на хлеб выросли, полки магазинов опустели. Хлебозаготовители разъезжали по селам, убеждая продавать зерно по государственному закупочным ценам, однако крестьяне, ожидая войны и повышения спроса, не спешили. В итоге программа индустриализации оказалась под угрозой финансовой катастрофы.

В деревне стала нарастать напряженность, что проявилось в увеличении террористических актов. В 1924 г. их было 313, в 1925 г. — 902, в 1926 г. — 711, 1927 г. — 901.

Военная угроза порождала в партии военизированный взгляд на мир, подталкивала к сплочению, мобилизации всех ресурсов для организации обороны. Газеты были полны патриотических призывов к «бдительности, военной подготовке, борьбе», проводились различные «Недели обороны», активно работали молодежные военные кружки Осоавиахима, в летних лагерях велась военная подготовка юношей и девушек, шли демонстрации, совместные маневры, посещения военных частей и заводов.

Но, несмотря на размах кампании, население в основной массе оказалось равнодушным, зато определялись те, кто связывал свою жизнь с советским государством, и те, кто был ему чужд, даже враждебен. Этим «чужим» не было места в советском обществе. Они должны были «перековаться» или исчезнуть.

Эта несостоявшаяся война оказала большое влияние на судьбу армии. В частности, она подтолкнула Тухачевского направить наркому обороны Ворошилову докладную записку «О радикальном перевооружении РККА». Главная мысль доклада: вооружение должно отвечать «промышленным, транспортным и прочим экономическим возможностям государства».

А.П. Кутепов

Армия через начальника своего штаба требовала от руководства страны изменения экономической и оборонной политики. Это было главным в докладе, и, соответственно, косвенно признавалась неудовлетворительной предыдущая деятельность и всего руководства страны. С учетом низкого уровня вооружения Красной армии (устаревшие модели самолетов, артиллерия на конной тяге, мизерное количество бронетехники) говорить об успешном построении социализма было преждевременно. Как сказал на съезде Ворошилов, его «отороπή брала» при виде этой техники. Доклад Тухачевского укреплял позиции сторонников ускоренной индустриализации.

Военная угроза порождала в партии военизированный взгляд на мир, подталкивала к сплочению, мобилизации всех ресурсов для организации обороны.

Январь 1928 г. принес новый удар. Несмотря на высокий урожай, государство получило вместо 430 млн пудов зерна (как в 1926 г.) только 300 млн. Выходило, что партийное руководство, увлеченное борьбой с оппозицией и военной опасностью, недооценило угрозу со стороны «кулаков». Стало ясно, что крестьяне не намерены поддерживать государственную политику. Политбюро было ошеломлено. Да, поле битвы осталось за ним, но что делать дальше?

Начало ускоренной модернизации

Перевооружение армии и плановая «социалистическая индустриализация» должны были осуществляться только на те средства, которыми располагало правительство. А оно, располагая традиционными статьями экспорта: зерном, нефтью, лесом и т.д., к концу рокового 1927 г. оказалось перед угрозой провала. План хлебозаготовок рухнул.

На какие деньги покупать за границей новое технологическое оборудование, необходимое для расширения массового производства, было непонятно. Кроме того, провал политики сталинской группы неизбежно привел бы к усилению «левых» и смене руководства страны. У Сталина был выбор: смена политики и отставка или экстраординарные меры.

В политическом плане его положение было прочным, на партийном пленуме после XV съезда он в ответ на критику «левых» снова подал в отставку и получил подавляющую поддержку членов ЦК. Но что было делать? Отступление означало «предательство идеалов Октября» и капитуляцию перед Западом. Наступление обрушило

бы равновесие в обществе и социальный мир, которые обеспечивал НЭП.

Сталин был знаком с работами директора Конъюнктурного института, профессора Н.Д. Кондратьева, который еще в 1922 г. издал основополагающую книгу по зерновой проблеме «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции».

В 1923 г. плановая комиссия Наркомата земледелия приступила

к выработке первого в истории перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства РСФСР (1923–1928 гг.) Активное участие в его подготовке принял Кондратьев. В истории этот план известен как «сельскохозяйственная пятилетка Кондратьева». Он был одобрен Земпланом, а после бурных споров и Госпланом. Исходная идея профессора такова: только «здоровый рост сельского хозяйства предполагает мощное развитие индустрии». К тому же негативный опыт взаимоотношений власти и крестьян во время Первой мировой войны предупреждал, что для успешного экономического принуждения необходимо, по мысли Кондратьева, иметь «высококультурную массу с сильным сознанием государственности, доверие к власти и готовность на самопожертвование».

Было ли в 1928 г. у крестьян «сильное чувство государственности», «доверие к власти» и «готовность к самопожертвованию»? Весьма сомнительно. Но на кону стоял вопрос жизни и смерти социалистического государства. Положение в деревне Сталин был вынужден называть «крестьянским бунтом».

Молодой человек, втянутый в водоворот перемен, мог получить образование и шагнуть в распахнутые двери социального лифта.

В январе 1928 г. Политбюро приняло решение о применении чрезвычайных мер. В регионы направлялись уполномоченные ЦК, среди которых были И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.И. Микоян, П.П. Постышев и др. Применяя статью Уголовного кодекса РСФСР (обвинение в спекуляции) и силовое давление прокуратуры, ОГПУ и милиции, партийные органы добились выполнения плана хлебозаготовок. К апрелю 1928 г. методами «военного коммунизма» было получено 4,21 млн т зерна. По социальному миру в деревне был нанесен сокрушительный удар.

Н.Д. Кондратьев

В июле на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин предложил ввести «дань», «сверхналог» на деревню для развития индустриализации высокими темпами. Это противоречило предыдущим установкам партии и соответствовало идеям «левых». С этого момента партийное руководство перешло рубикон. Его дальнейшие действия были направлены на усиление директивного руководства экономикой, идеологическое и административное давление, использование полицейских методов. Государство становилось тотальным, свободная экономика заканчивалась.

Это сразу же сказалось на обеспечении рынка товарами: закрывались мастерские, фабрики, частные магазины, что привело к росту спекуляции. Официальная пропаганда указывала на главных виновников проблем — на кулаков и нэпманов. Соответственно, попадали под удар и те руководители, которые продолжали проводить эволюционный курс в экономической политике. В январе 1928 г. лидер «левых» Троцкий был выслан в Алма-Ату, политическая конфигурация изменилась, и теперь сталинскому «центру» противостояли «правые» в лице Бухарина, Рыкова, Томского.

На VI Конгрессе Коминтерна (июль — сентябрь 1928 г.) «правый уклон» был заклеен как главная опасность для международного коммунистического движения. В ноябре пленум ЦК повторил этот тезис, распространив тревогу на внутрипартийную практику. Та же идея была провозглашена на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г. Руководство профсоюзов было обвинено в бюрократизме и отрыве от рабочих масс. Был озвучен лозунг «Профсоюзы — лицом к производству!», который при всей его внешней привлекательности означал отход от защиты интересов трудящихся и утрату самостоятельности профсоюзных организаций.

Если НЭП был нацелен на гармонизацию отношений в обществе, то ускоренная индустриализация — на свертывание гражданских свобод и возвращение к тоталитарному управлению. Теперь вопрос стоял так: найдется ли в стране достаточно сил, чтобы выдержать начинающиеся испытания или все закончится новыми «Кронштадтом» и «антоновщиной»?

Ни одна из советских политических групп не имела на него ответа. Однако одно обстоятельство придавало сталинской стратегии небывалую энергетику — это огромные возможности социального развития, которые получала молодежь, участвуя в процессе модернизации. Требовались люди, стремящиеся к культуре и образованию, готовые на труд и подвиг, не сомневающиеся в правильности курса. Молодой человек, втянутый в водоворот перемен, мог получить образование и шагнуть в распахнутые двери социального лифта. Развернулось массовое социалистическое соревнование на заводах, стройплощадках, транспорте. Его азарт и романтика заставляли скучность быта и серость труда. Трудовые почины, встречные планы, патриотизм движения «Догнать и перегнать западные страны» давали многим ощу-

щение величия происходящего и рождали чувство победителей. Это был героический штурм, когда не считаются с возможными потерями и жертвами.

Напряжение внутри руководства быстро нарастало. Бухарин считал, что идеи Сталина приведут к новой гражданской войне. В июле 1928 г. он тайно встретился с Каменевым и обсуждал создание нового союза против Сталина («право-левой оппозиции»). Он назвал Генерального секретаря «беспринципным интриганом», который «ставит под опасность всю революцию».

30 сентября Бухарин перенес разногласия на публичный уровень. В надежде обеспечить себе поддержку на следующем партийном пленуме, он опубликовал в «Правде» «Заметки экономиста», в которых критиковал сталинскую линию. Он вскрывал ущербность планирования, ошибки в ценообразовании, неэффективность аграрной политики и, самое главное, намечившийся разрыв с крестьянством. Он считал, что достигнут максимум возможного напряжения сил, нельзя далее наращивать темпы и следует отказаться от «безумного напряжения», которое диктовали проекты пятилетнего плана. Он предлагал исправить ошибку за счет экономических уступок крестьянству, ратовал за возвращение к политике НЭПа.

На ноябрьском (1928 г.) пленуме ЦК с главным докладом выступил Рыков. Назвав контрольные показатели, он тут же выразил сомнения в их обоснованности. По его мнению, страна не выдержит «взятого темпа индустриализации».

Сталин в своем выступлении, не называя имен, продолжил спор. К своим прежним аргументам он добавил исторический опыт России, обратившись к модернизации Петра Первого, который пытался «выскочить из рамок отсталости». Если вспомнить жестокость петровских реформ и

одновременно с этим — величие ответственность образа Петра в российской историографии, то обращение следует считать новым ориентиром Сталина.

Полемика продолжилась, 21 января 1929 г., в годовщину смерти Ленина, Бухарин опубликовал в «Правде» доклад, сделанный на торжественном заседании по поводу скорбной даты. Он доказывал, что индустриализация должна вестись на основании рыночных принципов.

На следующий день в ЦК получили изданную троцкистами брошюру с записью разговора Бухарина и Каменева на тайной встрече. На заседании ЦК Бухарин заявил, что проводимая политика «военно-феодальной эксплуатации крестьянства» обернется крахом. Он подал в отставку с постов председателя Коминтерна и главного редактора «Правды». Однако Сталин не хотел еще одного раскола в ЦК. Бухарину было предложено признать ошибкой переговоры с Каменевым и поддержать курс на ускоренную индустриализацию. Бухарин отказался.

На апрельском пленуме ЦК 1929 г. Бухарин и Томский были сняты с занимаемых постов, но пока остались членами Политбюро. С этого момента Сталин и его группа перестали оглядываться на оппозицию и приступили к реализации своего плана.

Трагедия «великого перелома»

Начиналась новая эпоха крайне оптимистично. Еще весной 1928 г. Наркомзем и Колхозцентр РСФСР составили пятилетний план коллективизации крестьянских хозяйств. К 1933 г. намечалось объединить 1,1 млн хозяйств (4%). Летом того же года цифру подняли до 3 млн хозяйств (12%). В апреле 1929 г. в пятилетнем плане уже было записано — 4–4,5 млн хозяйств (16–18%). За один год этот показатель вырос в четыре раза.

Чем это вызвано? Дать ответ можно, обратившись к пятилетнему плану, принятому на XVI партконференции и утвержденному съездом Советов в апреле 1929 г. Планом предусматривалось выделить 19,5 млрд руб. на капитальное строительство промышленных предприятий (включая электрификацию), т.е. в четыре раза больше, чем выделялось в прошлые пять лет. Как видим, полное совпадение темпов коллективизации и индустриализации.

Вся промышленность должна была вырасти в 2,8 раза, а производство средств производства — в 3,3 раза (машиностроение — в 3,5 раза). Намечалось построить 42 электростанции. В мае 1929 г. был утвержден план создания 102 машинно-тракторных станций (МТС), которые должны были обеспечить новый уровень развития сельского хозяйства. К 1933 г.

СССР должен был преобразиться, одним рывком преодолев технологическое отставание. Поэтому можно понять суровый энтузиазм партийного руководства всех уровней. «Время, вперед!» — всеми силами подстегивали они находившуюся на иной технологической ступени деревню, веря в свою правоту.

Базой должны были служить объединенные крестьянские хозяйства, заграничные займы (из Германии) и решимость сталинской группы провести индустриализацию. Третий фактор был самым убедительным, но тоже далеко не стопроцентным, т.к. социальная напряженность («классовая борьба») усиливалась и сторонники ускоренной модернизации могли не выдержать и потребовать пересмотра политики. Учитывая именно эту угрозу, следует рассматривать все репрессии внутри правящей политической верхушки в начале 1930-х гг.

Если убрать одну-две статьи, то получится картина времен Ивана Грозного. Средства для рывка были невообразимо скудны. Например, советский экспорт в 1927–1928 бюджетном году выглядел так: пушнина — 17%, нефть и нефтепродукты — 15,4%, лесоматериалы, включая спички — 12,6%, яйца — 6,4%, масло — 6,2%, зерно — 5,4%, лен и кудель — 3,3%, жмыхи — 2,6%, мясо — 2,5%, марганец — 2,2%,

сахар — 1,6% и еще разная мелочь — древесный клей, конский волос, рога и копыта животных (1).

Коллективизация началась в 1929 г., и уже в ноябре Сталин в статье «Год великого перелома» говорил, что произошел перелом «на всех фронтах социалистического строительства». На первое место он ставил производительность труда, развитие творческой инициативы и «могучего трудового подъема миллионных масс рабочего класса на фоне социалистического строительства». Затем — «коренной перелом в развитии нашего земледелия от мелкого и архаичного индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию».

В самой идее коллективизации, т.е. в создании крупных сельскохозяйственных производств (использующих современные технологии, как в США), не было ничего разрушительного. Крупные хозяйства за счет использования техники и передовых технологий должны были поднять урожайность, улучшить бытовые условия жизни крестьян, укрепить всю экономику страны. В одном из публичных выступлений в 1928 г. Сталин приводил пример крупных американских ферм, где огромные поля пшеницы убирают комбайны днем и даже ночью при электрическом освещении.

Однако к осени в СССР, где около 40% пашни обрабатывалось деревянной сохой, было всего 35 тыс. тракторов. В 1929 г. было выпущено 3300 «железных коней». Для массовой индустриализации деревни этого было явно недостаточно. Но планировалось резко увеличить их выпуск и быстро удовлетворить спрос.

Хлебозаготовки 1929 г. снова оказались проблемными: зажиточные крестьяне не желали продавать зерно по низким государственным ценам. Нарастало неразрешимое противоречие между коллективными хозяйствами и состоятельными крестьянами, которые не шли в колхозы и являлись для крестьянских общин авторитетами. Что делать с этими независимыми производителями? Брать в колхоз? Но тогда они получат там решающий голос. Не брать? Тогда они будут конкурировать и продолжать свою линию. Изгонять из деревни? Пока изгнание казалось неприемлемым, но вскоре это произошло. Великие стройки индустриализации требовали ресурсов. Из-за нехватки продовольствия в августе 1929 г. были введены карточки на продукты питания, что явно свидетельствовало о дисбалансе в экономической системе. Кроме производственных проблем лето и осень 1929 г. сопровождалось резкой критикой в печати Бухарина, Рыкова и Томского, а также обострением военного положения в Китае.

События в Китае, где 10 июля 1929 г. китайские власти начали захват принадлежавшей СССР Восточно-Китайской железной дороги (КВЖД) и арестовали около 2000 советских служащих, грозили обернуться военными действиями с непредсказуемым результатом. Была перерезана железнодорожная связь с Владивостоком, что грозило вообще потерей края. К счастью, Япония, не желавшая усиления Китая, заняла выжидательную позицию, Англия и США — тоже.

В принципе, сочетание внешних и внутренних угроз было уже привычным и, как всегда, приводило к ужесточению ранее намеченных планов.

Каждые десять дней газеты публиковали данные о росте коллективизации: на 1 октября 1929 г. — 7,3%; на 1 декабря — 13,2%; на 1 января 1930 г. — 20,1%; на 1 февраля — 4,7%; на 20 февраля — 50%; на 1 марта — 58,6%. За фантастическими темпами можно увидеть волю одних и отступление других.

Тем временем советские войска при поддержке авиации разгромили две усиленные бригады китайцев численностью около 20 тыс. человек, взяв в плен около 10 тыс. 17 ноября, когда в Москве заканчивался пленум ЦК, советские войска повели наступление западнее озера Ханко, и к исходу 18 ноября вся территория до реки Мурень была очищена от маньчжурских войск (кавалерийская дивизия и пехотный полк).

22 декабря 1929 г., на следующий день после 50-летия Сталина, в Хабаровске был подписан протокол, по которому военные действия были признаны законченными, советские граждане освобождены и на КВЖД восстанавливалось прежнее положение. Это была маленькая, но важная победа.

В ноябре 1929 г. Бухарина вывели из Политбюро, были снова пересмотрены планы коллективизации, намечалось весной 1930 г. иметь 300 районов «сплошной коллективизации». План предусматривал полное обобществление пашни, инвентаря и рабочего скота в районах сплошной коллективизации на 80%. Крестьяне сопротивлялись, как могли. Из многих мест в ЦК шли просьбы о помощи и сигналы бедствия. Например, летом 1929 г. Сталину передали письмо М.А. Шолохова, в котором писатель сообщал о плачевных результатах авральной коллективизации: «Середняк уже раздавлен. Беднота голодает».

Сталин не ответил, считая подобные инциденты приемлемыми издержками.

В 1929 г. было 1307 крестьянских выступлений, в них участвовало около 300 тыс. человек, в январе — марте 1930 г. — более 2700 массовых выступлений (это без Украины), в которых приняло участие свыше 1 млн человек. В национальных районах (на Северном Кавказе, в Средней Азии и Казахстане) в отряды восставших входило несколько сотен, даже тысяч человек. Против них направляли регулярные войска и части ОГПУ.

Дома кулаков передавались либо под общественные нужды, либо под жилье неимущим. Это напоминало практику «военного коммунизма».

Вырос так называемый «кулацкий терроризм». За 1929 г. было 9137 терактов, из них — 978 убийств, 2745 избиений, 3021 поджог и т.д. Однако было бы упрощением рассматривать процесс переустройства деревни как единую линию противостояния коллективизации. На самом деле внутри деревни шла борьба бедной части крестьянства с кулаками и зажиточными хозяевами, в которой власть стояла на стороне первых и передавала им конфискованное имущество (оно шло как взнос бедня-

ков в колхозные фонды), а также одежду, мебель в личное пользование. Дома кулаков передавались либо под общественные нужды, либо под жилье неимущим. Это напоминало практику «военного коммунизма», когда комбеды изымали продовольствие, оставляя часть себе.

Благодаря расколу крестьянства колхозы изначально получили активных сторонников, которые были готовы и дальше поддерживать линию партии, но далеко не сразу поняли, что отныне они должны заменить «справных хозяев».

Москва была обеспокоена нарастающим сопротивлением деревни. 30 января 1930 г. Политбюро приняло директиву «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств и сплошной коллективизации». Кулаки разделялись на три категории и направлялись в концлагеря и ссылку. Затем последовали массовые репрессии против зажиточных крестьян. 4 февраля ЦИК СССР предоставил ОГПУ во время операций против кулачества право применять на местах внесудебное рассмотрение дел.

В середине февраля на места были направлены члены Политбюро М.И. Калинин, Г.К. Орджоникидзе, Л.М. Каганович и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК Я.А. Яковлев. По их возвращении состоялось заседание Комиссии Политбюро по вопросам коллективизации под председательством С.И. Сырцова, в ее работе приняли участие и секретари крайкомов и обкомов. Комиссия пришла к выводу, что, за исключением отдельных перегибов, коллективизация идет нормально.

На этом фоне малообъяснимым выглядит поручение Политбюро (28 февраля 1930 г.) Сталину вы-

ступить со статьей против перегибов. Очевидно, так было оформлено решение Сталина, увидевшего в создавшемся положении реальную угрозу режиму.

Принято считать, что опубликованная 2 марта в «Правде» статья «Головокружение от успехов» является коварным и беспринципным шагом вождя, отводившего от себя лично и от своих соратников обвинения в жестоким кризисе. На самом деле это не так.

Сталин не мог сказать о главном поводе своей статьи. План индустриализации сельского хозяйства опирался на такие расчеты:

Статья «Головокружение от успехов» должна была решить две задачи: внешнюю — отвести критику от Москвы и внутреннюю — сохранить прежний курс.

начать коллективизацию, чтобы уже осенью 1930 г. направить в колхозы первые трактора, а весной проводить пахоту и сев «железными конями». Вскоре должны были дать продукцию и новостройки машиностроения: к 1931 г. ожидалось 50–60 тыс. тракторов, 10–20 тыс. комбайнов и столько же грузовиков. Но в начале 1930 г. на «Красном Путиловце», где раньше трактора выпускались мелкими партиями, резко замедлилось выполнение большого заказа, поэтому надо было затормозить коллективизацию, но сделать это так, чтобы не вызвать упреков и обвинений в адрес сталинской группы. (Несмотря на жесткий контроль Кирова и Куйбышева, правительственный заказ не был выполнен и к концу года: было изготовлено всего 8935 машин. На 1932 г. было запланировано выпустить уже 32 тыс. тракторов и 20 тыс. в виде запчастей.)

В статье Сталин говорит о зазнайстве, авантюризме, незакреплении успехов. И далее: «Нельзя насаждать колхозы силой... Кол-

хозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства». У тех, кто этого не понимает, «закружилась голова от успехов», они лишились «ясности ума и трезвости взгляда». Надо вести борьбу и «против отстающих, и против забегающих вперед».

Статья должна была решить две задачи: внешнюю — отвести критику от Москвы и внутреннюю — сохранить прежний курс. На местах после временной растерянности поняли, что коллективизация должна быть продолжена и что за «перегибы» наказания не будет.

Положение советского руководства стало критическим после начала затяжного экономического кризиса на Западе, который возник из-за отдаленных последствий Первой мировой войны. Огромных репарационных выплат Германии, на которых базировалось возвращение Америке долгов Англии, Франции, Италии (всего 22 млрд долл., по нынешнему курсу около 264 млрд долл.), оказалось недо-

статочно, чтобы обеспечивать спекулятивные биржевые индексы. Кроме того, в Европу было инвестировано 29 млрд долл. В середине октября 1929 г. рухнул курс акций на Нью-Йоркской бирже, а 24 октября (в «черный вторник») положение стало катастрофическим: было сброшено 12,9 млн акций. На следующий день было продано еще 16 млн. За месяц стоимость акций упала почти на 16 млрд долл., к концу года — на 40 млрд долл., и Америка обнищала. Особенно пострадали мелкие и средние держатели акций. Кризис нарастал, останавливались предприятия, миллионы людей остались без работы. Промышленное производство сократилось на 46%. В годы кризиса умерло от голода и болезней 1,5 млн человек.

Вскоре последствия потрясений вынудили американскую элиту отказаться от концепции либерального рынка как системы, способной найти выход из любого кризиса. Взойшла звезда выдающегося английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. Он предложил идею государственного регулирования рыночной экономики, которая на долгие годы стала главной в политике президента США Франклина Рузвельта: государство брало на себя ответственность за занятость и благосостояние населения. Кейнсианская идея государственного регулирования экономики надолго стала главной в политике США.

Конечно, оставалась Германия, где производство тоже упало, но Сталин относился к немцам настороженно и понимал, что они попытаются использовать ситуацию в свою пользу. В письме Микояну от 28 августа он предупреждал, что немцы «хотели бы видеть нас совершенно изолированными, чтобы тем легче принудить нас почти на монополию немцев в наших сношениях с Западом (в том числе и с Америкой)». Он призывал «не сдаваться немцам».

И вот теперь экономический крах в Америке создавал в международной политике Сталина важный противовес. Он оказывался перед немислимо трудным выбором: либо ускорить идущую на грани крайнего риска коллективизацию и быстрее проскочить опасный период, либо притормозить и начать переговоры с «правыми уклонистами». В первом случае его ожидало сопротивление крестьян, во втором — отторжение соратников и большинства руководителей местных парторганизаций.

Сопротивление крестьян можно было подавить, тем более что они вскоре должны были увидеть улучшение, в чем Сталин не сомневался, а сопротивление в своей среде должно было завершиться его смещением и вообще крахом курса.

Индустриализация — гонка СССР на выживание

В июне 1930 г. прошел XVI съезд партии, на котором Генеральный секретарь выступил с отчетным докладом. Говоря о внутреннем положении, он привел цифры экономического роста: в сельском хозяйстве 113–114% от довоенного уровня, в промышленности — 180%, «среднегодовые темпы роста за три года составили 15%, что является поистине рекордным».

Он был полон оптимизма. По его мнению, пятилетний план будет выполнен за 2,5–3 года. Правда, приводя конкретные данные производства электроэнергии и чугуна в западных странах и СССР, он указывал на колоссальную разницу и подчеркивал: «Мы дьявольски отстаем».

Состояние коллективизации выглядело превосходным: перевыполнена в полтора раза программа колхозного строительства. О проблемах — ни слова. Но основное содержание доклада состояло в пафосе перспектив социалистического строительства, в

возможностях роста для рядовых людей, получении образования, превращении труда «в дело чести, доблести и геройства». Уже началось (в мае 1930 г.) сквозное движение на Туркестано-Сибирской железной дороге, на ленинградском заводе «Электросила» был открыт новый турбогенераторный корпус, в Мариуполе был досрочно введен в строй завод по выпуску цельнокатаных труб для нефтяной промышленности, продукция которого позволяла избавиться от импорта; 14 июня (на год раньше срока) закончилось строительство завода сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону; 17 июня (на 5,5 месяца раньше срока) был запущен Сталинградский тракторный завод им. Ф.Э. Дзержинского.

Сталин призвал выполнить пятилетку в четыре года и назвал главные задачи развития страны.

Первое. Создание на востоке второй угольно-металлургической базы. В рамках этого проекта должны быть возведены металлургические комбинаты на Урале и в Кузбассе. (Этим решением окончательно разрешен спор с ЦК КП Украины о развитии Донецко-Криворожского экономического района как единственной промышленной базы СССР, что имело решающее значение во время Великой Отечественной войны.)

К этому времени уже освоен Кузбасс, построены тракторный

завод в Челябинске, машиностроительный в Свердловске, автомобильный в Нижнем Новгороде, комбайновые заводы в Новосибирске и Саратове и т.д.

Второе. Создание крупных сельскохозяйственных предприятий.

Третье. Решение кадровой проблемы.

Четвертое. Борьба с бюрократией.

Пятое. Систематическое повышение производительности труда.

Шестое. Проблема снабжения. («Снабжение хлебом можно считать уже обеспеченным. Труднее обстоит дело со снабжением мясом, молочными продуктами и овощами».)

Седьмое. Упорядочение всего кредитного дела. (Огосударствление финансов.)

Восьмое. Создание «солидных» резервов.

Сталин объявил генеральную линию партии: развернутое наступление социализма по всему фронту, ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация.

Читая этот доклад сегодня, когда поколение строителей социализма в России давно упокоилось в сырой земле, до сих пор ощущаешь страшный накал времени. История СССР после XVI съезда — это борьба сталинской группы с реальностью «правых» и создание совершенно новой реальности, борьба, которая не завершилась стратегической победой, несмотря на ряд выдающихся побед и свершений.

С каждым построенным заводом, добытой тонной нефти, возведенным жилым домом, выучившимся на техника или инженера рабочего в советском обществе происходили незаметные, но постоянно накапливающиеся изменения: вырастал новый политический слой, образовывались группы и кланы, у которых идея жертвенного служения социализму не была на первом месте. Дальнейшая деятельность Сталина протекала в непрерывной борьбе с этим внутренним врагом, постоянно ускользающим от разгрома.

Впрочем, в самом духе времени торжествовала идея сильной государственной воли, противостоящей эгоизму людей. Но началось осуществление первой пятилетки самым провальным образом. Вырванные из деревень крестьяне стали главной силой на стройках. Словно вышедшие из допетровской Руси бородачи окружили будущие социалистические предприятия. (Было запланировано строительство 1200 заводов.) Несоответствие между технологическими задачами и уровнем персонала было ужасающе очевидным. Предстояло, как и Петру, создать свои кадры, свою интеллигенцию.

На XVI съезде Куйбышев заявил, что ежегодно нужно удваивать капиталовложения и увеличивать производство продукции на 30%. Планирование стало дерзким соревнованием отраслей, заводов, бригад и ударников. Люди были искренни, героизм был неподдельным. К лету 1930 г. социалистическое соревнование распространилось на 2 млн человек, в ударных бригадах работало около миллиона.

Но сотни строек к концу года замерли, потому что на всех не хватило ресурсов. «К концу 1930 г. 40% капиталовложений в промышленность были заморожены в незавершенных проектах» (2).

Вслед за этим продолжилось в еще больших масштабах административное вмешательство в планирование, чтобы уменьшить конкуренцию отраслей и предприятий. С одной стороны, это породило группы влияния и кланы в экономической системе, а с другой — сделало директивное управление главной отличительной чертой советской экономики.

Мировой экономической кризис все сильнее влиял на планы социалистической модернизации. Еще в конце декабря 1929 г. с больши-

ми трудностями удалось продать в Европе 25 млн т зерна. На вырученные деньги приобрели 8,5 тыс. тракторов у английской фирмы Vickers. Можно вычислить цену одной машины в килограммах зерна, но никто не знает, сколько пота и крови русских крестьян стоил один трактор. Но в наступающем 1930 г. западные рынки вообще стали превращаться в узкие щели. А требовалось срочно выплатить американской фирме Caterpillar 3,5 млн долл. за оборудование для Челябинского и Харьковского тракторных, для Ростовского и Саратовского комбайновых заводов. Всего же в течение пяти лет СССР должен был выплатить американским фирмам 1,75 млрд золотых рублей (350 млн долл., или 4,2 млрд долл. по нынешнему курсу) + 7% годовых за кредит. За эту гигантскую сумму страна получала машины и оборудование, без которых ей уже невозможно было существовать: тракторы, комбайны, нефтеперегонный завод, бурильные установки и трубы, автомобильный завод и три металлургических комбината — Магнитогорский, Кузнецкий, Запорожский. И это далеко не все, что СССР должен был получить с Запада. Еще предстояло приобрести оборудование для Березниковского металлургического комбината, подшипниковых заводов в Москве и на Урале, железнодорожные рельсы, каучук.

Экономический кризис обрушил цены на советский сырьевой экспорт, а в целом оборот мировой торговли упал на две трети. Перед Кремлем встал вопрос: закупать подешевевшее оборудование и для этого увеличивать экспорт или приостановить индустриализацию. По мнению Сталина, нельзя было останавливаться, так как в ближайшие 10 лет должна была начаться война за передел рынков и доступ к ресурсам. Цены на сырье падали все быстрее, и это означало, что придется туже затянуть пояса. Решение продолжать индустриализацию в прежнем темпе оказалось одним из самых

трагических. Если сравнивать результаты двух модернизаций, Витте — Столыпина и сталинской, с итогами Первой и Второй мировых войн, в которых после каждой модернизации участвовала Россия-СССР, то успешность социалистической индустриализации очевидна. Но при этом невозможно забыть, какой ценой заплачено за эти победы.

Разящий все и вся экономический кризис душил оптимистический пятилетний план и ставил перед сталинской группой еще одну тяжелую проблему. Стало очевидно, что Совнарком работает неправильно, в систему финансирования заложена маниловщина: сперва ВСНХ заключает договоры с зарубежными фирмами, а потом Внешторг ищет, где взять валюту. Отсюда — распыление средств и вообще ощущение «безразмерного кредита».

На самом деле никакого безразмерного кредита не было, а была реальная перспектива провала. Чтобы его избежать, были использованы все мыслимые и немыслимые возможности. ОГПУ дважды в 1930 г. получало от Политбюро задания (30 марта и 10 мая) изъять у населения валюты на 2,5 и на 2 млн руб. Сроки для исполнения давались кратчайшие — два и десять дней. (Сатирическое описание выполнения чекистами этого задания есть в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».) Это означало только одно: руководство страны находится в безнадежном положении.

Для спасения индустриализации были пущены на продажу даже художественные сокровища лучших музеев Москвы, Ленинграда, Киева, накопленные русскими царями, вельможами и предпринимателями. Картины Боттичелли, Веласкеса, Рафаэля, Рембрандта, Рубенса, Тициана, Тьеполо, Перуджино, Пуссена, Ван Эйка, Ван Дейка, Боутса и других художников, всего 1450 картин, и еще ювелирные изделия, мебель, ковры, го-

белены, бронза, сервизы, монеты, коллекции оружия были проданы. Учитывая низкую платежеспособность кризисного Запада, за эти ценности было выручено гораздо меньше, чем предполагалось — 12,5 млн долл. Это изъятие из культурного наследия внешне напоминало выемку церковных ценностей в 1922 г., но не имело никакой идеологической подоплеки.

Также помогло заключение удачного контракта с нефтепромышленником Калустом Пюльбекяном, страстным коллекционером, который стал «под крышей» своей компании Turkish Oil продавать на перенасыщенном международном рынке советскую нефть и нефтепродукты. Кроме того, забили новые нефтяные фонтаны на ме-

Среди вчерашних пахарей росли хулиганство, анархия, производственный травматизм, выпуск бракованной продукции, прогулы, текучка кадров.

сторождении Баба-Гур-Гур в Ираке и Восточном Техасе в США. В Америке, СССР и Румынии добыча постоянно росла. Началась новая ценная война, нефть переставала быть «золотом», в этой ситуации содействие Пюльбекяна было спасительным для советского бюджета.

Но еще одно обстоятельство стало преградой на пути индустриализации. Это были сами люди, не готовые к переменам. Поняв, что проваливается и с рабочими кадрами, советское руководство сделало резкий маневр и отдало распоряжение повысить трудовую дисциплину на предприятиях, отменить уравниловку коммун, снабжать в первоочередном порядке продуктами, мануфактурой, жильем только ударников, остальных — во вторую очередь, запретить выдвижение рабочих от станка «во все и всяческие аппараты». Это «ручное» управление экономикой при помощи парткомов, чекистов, «выдвиженцев» позволило сгладить возникший кризис, но еще глубже сделало разрыв между «старой» и «новой»

Россией и постепенно привело к огосударствлению почти всех сторон общественной жизни.

Впрочем, в 1930 г. выдвижение молодежи, рост рабфаков (с 1928 по 1932 г. число мест в этих учебных заведениях выросло с 50 тыс. до 285 тыс.), мобилизация рабочих-коммунистов в руководящий слой или на учебу (таких было 660 тыс.) обеспечивали кадровый резерв. Общее число рабочих-выдвиженцев за первую пятилетку достигло одного миллиона. Вместе со студенческой молодежью они стали новой интеллигенцией, «сталинской». Они шли на смену старым спецам и старым революционерам, которые логикой событий постепенно отодвигались на историческую окраину.

Начиная с 1930 г. в стране происходило великое переселение народов. Социальные лифты неслись вверх. Крестьяне, еще вчера жившие с ощущением вечности, должны были овладеть азами совсем другой жизни и подчиниться суровым законам индустриальной гонки на выживание. Они оставались «полуперсонами», как когда-то в начале века их назвал К.П. Победоносцев, не могли так быстро, как требовалось, приспособиться к дисциплине, технологическим нормам, социальным требованиям. Среди вчерашних пахарей росли хулиганство, анархия, производственный травматизм, выпуск бракованной продукции, прогулы, текучка кадров. Как следствие социального ускорения, производительность труда в 1928–1930 гг. упала на 28%. ■

Продолжение следует.

ПЭС 8299/14.11.2008

Примечания

1. Советский экспорт. № 45–46. М., 1928.
2. Верт Н. История Советского государства. М., 1995, с. 217.